

Пошатываясь на ветру, и периодически придерживая старика, пока они пробирались по заснеженной дороге, Хьёчу вскоре забрался на вершину горы. Теперь им предстояло идти только вниз. Вскоре вдалеке замаячил силуэт города Саньё. С трудом передвигая ногами из-за снега они, наконец, добрались до городских ворот.

— Ого, да мы как раз вовремя, — улыбнувшись, заметил старик. — И нам даже удалось добраться в целостности и сохранности.

Хьёчу запрокинул голову и посмотрел на небо. Всё ещё было довольно светло.

Старик направился к воротам. Хьёчу окликнул его:

— А что там дальше по дороге?

— Весь путь дальше будет под гору. По пути будет ещё небольшая деревушка.

— Сколько до неё?

Старик удивлённо уставился на Хьёчу.

— При хорошей погоде часик пешком. Только не говори мне, что ты собираешься идти дальше.

Пытаясь различить положение солнца за тёмными плотными тучами, Хьёчу кивнул.

— Я благодарен за всё, что вы сделали для меня, — сказал он. — Вот, это хотя бы покроет стоимость комнаты в таверне на ночь, — Хьёчу протянул старику пригоршню монет.

— Не собираюсь я брать твои деньги. Говорю тебе, путь дальше без отдыха не обсуждается.

— Я благодарен вам за беспокойство, но я правда спешу, — с этими словами Хьёчу схватил старика за руку и вложил монеты в его ладонь. — Я делаю это и для твоего блага тоже, — пробормотал он себе под нос.

Увернувшись от старика, попытавшегося остановить его, Хьёчу поспешил по дороге с максимально возможной для него скоростью. К счастью, ветер дул ему в спину и идти было не так уж и трудно. Конечно, если бы он мог, он бы с удовольствием передохнул. Но он понятия не имел, как долго ещё продержится голубая орхидея. Если цветок завянет, будет слишком поздно и весь его путь во дворец потеряет всякий смысл.

Вскоре путь по склону закончился, и снега стало ощутимо больше. Хьёчу чувствовал тяжесть в ногах, его колени и поясница болели. Но если он не продолжит идти в том же темпе, он может

не успеть добраться до деревушки впереди. Впрочем, если ему улыбнётся удача, он пропустит и её, и отдохнёт уже в следующей деревне.

Он понимал, что испытывает свою судьбу. И он уже не раз довольно сильно рисковал. Но орхидея могла завянуть хоть завтра, и этот страх подталкивал его, заставляя идти вперёд.

«Следующего раза не будет».

Примерно в тот момент, когда голубая орхидея зацвела, и Хьёчу и Хоуко, облегчённо выдохнув, готовы были праздновать победу, Небеса перестали посылать голубые орхидеи под деревья ябоку. Это случилось не мгновенно, но в целом ростков голубых орхидей находили всё меньше и меньше.

Хьёчу, Хоуко, Кьёкэй и их команда успешно пересадили саженцы на тринадцать буковых деревьев. Два из них впоследствии завяли. Ещё шесть они вырастили из семян. Итого семнадцать. Будущее всего королевства зависело от этих семнадцати деревьев. Тем временем вымирание буковых рощ происходило небывалыми темпами. У них заканчивалось время, о чём им не уставал напоминать всё более и более нетерпеливый Хоуко.

— Самые опасные условия складываются весной, когда снег тает. Вода размывает почву и может случиться так, что целый кусок горы разом сойдёт оползнем. Если мы не подойдём к этому с умом, ландшафт этих мест может измениться.

Хоуко посылал в местную администрацию запрос на высадку деревьев с мощной корневой системой на замену погибшим буковым деревьям. Им также предписывалось построить дамбы на протекающих в долине реках, дабы иметь возможность запасти воду летом и заблокировать поток грязи и песка, если случится оползень. Кроме того, им стоило починить стены вокруг поселений, и возвести склады на случай чрезвычайных ситуаций.

Вот только у администрации не было ни средств, ни рабочих рук для этого. Все проекты сильно отставали от графика или же и вовсе застопорились. Тогда Хоуко направил точно такие же запросы своему начальству, но оно определённо не горело желанием прислушиваться к своим подчинённым. Увы, и такие, как Хоуко, имели не больше влияния, чем служащие по охране природы.

Они возлагали на это лекарство все свои надежды. Однако простое обладание им никак не помогало побороть болезнь. Даже если бы плоды с голубыми орхидеями росли на рибоку, высаживать их, и готовить лекарство было непросто. Это был процесс, который занимал весьма много времени.

К счастью, сами по себе семена были довольно выносливыми. Судя по всему, они могли храниться очень долго, до тех пор, пока не наступят нужные условия и время года. В тепличных условиях голубые орхидеи приживались только на старых деревьях. В любом случае, даже если бы ростки всходили сиюминутно, это не означало, что лекарство будет у них на следующий день.

«Нам нужно сделать это как можно быстрее» — решили они. Конец года приближался. — «Нам нужно доставить образец до конца года. Тогда король сможет попросить его у Небес до нового года и в следующем году плоды уже должны будут появиться на рибоку».

Формально дни, в которые можно было помолиться ради получения ранка, были обозначены и зафиксированы заранее. Эти даты устанавливались местными риши, дабы упорядочить поток желающих. Однако фактически не существовало никакого закона природы, утверждавшего, что если помолиться в неправильный день, то ранка не появится. Конкретные даты назначались исключительно ради удобства работы риши.

Королевское рибоку подчинялось тем же правилам. И, хотя дата прошений была давно зафиксированной традицией из-за необходимости организовывать определённый ритуал, эту дату, тем не менее, можно было поменять. Однако нельзя было поменять порядок рассмотрения запросов на Небесах. Когда король просил у Богов новое растение или животное, и его молитва находила отклик, плоды ранка появлялись спустя пятнадцать дней.

Через год после появления на королевском рибоку эти плоды начинали появляться на рибоку по всему королевству при условии, что было подходящее время года. Лунный календарь также участвовал в этих расчётах. Допустим, если король помолился бы в полнолуние, то плод родился бы из ранка на следующее полнолуние. А на деревьях рибоку в королевстве появился бы не раньше, чем в первое полнолуние следующего года. Для растений, для посадки которых были важны времена года, это означало первое полнолуние весны.

Но, поскольку у голубой орхидеи не было такого условия, как оптимальное время посадки, если король получил бы образец до конца года, это означало бы, что они могли бы ожидать его сразу в следующем году. Что в свою очередь означало, что им нужно было успеть доставить образец максимум до середины декабря. В таком случае они могли ожидать ростки голубой орхидеи по всему королевству в начале следующего года.

Если же они опоздают, и прошение отложат до января, то плоды ранка не появятся ещё целый год.

— У нас просто нет такого запаса времени, — сказал тогда Хоуко. По его прогнозам крупномасштабные оползни должны были случиться как минимум в трёх местах уже этой весной.

Путь из округа Сецуко в королевский дворец пешком занимал меньше двух месяцев. Верхом на лошади или в повозке они легко успели бы вовремя. Чтобы король мог попросить у королевского рибоку что-то конкретное, ему нужен был образец, а голубая орхидея, удалённая из дерева-носителя, очень быстро умирала. Единственным решением было транспортировать росток орхидеи вместе с деревом. Так они пришли к мысли срезать кусок древесины, содержащий в себе орхидею.

Но и так орхидея не могла оставаться жизнеспособной долго. Когда древесина высохнет, орхидея завянет.

— У нас нет семян, нам придётся ждать следующего года, когда появятся первые плоды.

Они не могли позволить себе ждать так долго. У них было одиннадцать выживших саженцев, собранных под ябoku, и шесть выращенных из семян. Пожертвовав двумя ценными образцами, они выяснили, что орхидея выживает на отсечённом от дерева куске древесины от шести до пятнадцати дней. В холоде они могли выиграть ещё несколько дополнительных дней, но не более. После этого они могли лишь гадать, в какой момент орхидея завянет.

— Мне бы действительно не помешал кидзю.

Или хотя бы любое достаточно быстрое ездовое животное. Но, учитывая плачевное состояние финансов Хьёчу, и скудное финансирование округа Сецуко, кидзю они бы не дождались. Да и времени искать его у них не было. Надеясь послать орхидею посылкой, они опросили всех, кого могли, но не нашли никого достаточно богатого, чтобы владеть кидзю, поэтому неустанно посылали запросы во дворец с просьбой прийти и забрать образец, но не получили ни единого ответа.

Хьёчу даже не был уверен, доходили ли запросы до адресатов. Отчаявшись сделать всё формально, они попытались найти подходящие услуги на чёрном рынке. Они перерыли всё. Столкнувшись с необходимостью умасливать знающих людей, Хьёчу собрал свои скудные пожитки и даже продал свой дом в столице округа, в котором всё равно никогда не жил.

В ноябре высокопоставленный провинциальный чиновник согласился обратиться в администрацию для них, главный агроном министерства Земли провинции Кей даже согласился направить запрос в королевскую администрацию. Должность этого чиновника подразумевала управление сельским хозяйством целого региона, куда, к слову, входили и провинциальные служащие по охране природы. Грубо говоря, это был один из заместителей министра Земли, отвечавший за определённые вопросы. В плане титула это делало его аристократом среднего ранга. Ранг, впрочем, варьировался в зависимости от провинции.

Но, так или иначе, столь высокопоставленные люди обитали выше облаков. Далеко от низкоранговых служащих вроде Хьёчу.

Хьёчу встретился с этим человеком в столице провинции и объяснил ему всю ситуацию. Он произвёл впечатление человека солидного и знающего. Он слушал внимательно, пообещал передать их изыскания наместнику провинции, и в последствие направить отчёт напрямую королю. Они даже запланировали визит в их теплицы в округе Сецуко, откуда и предполагалось забрать образец саженца. Этот последний шаг должен был подвести итог всем их усилиям.

Но получилось, что Хьёчу всего лишь пригласил волка в курятник.

Они ожидали, что слуги, посланные главным агрономом, придут и заберут посылку, после чего, уже договорившийся о встрече с королём наместник провинции, отправит орхидею прямым в столицу. Для этого они подготовили специальный контейнер, чтобы перевезти

саженцы в безопасности, они соорудили портативную теплицу, выбрали подходящие саженцы и разметили, где следовало срезать ветки. Оставалось лишь дожидаться прибытия слуг, и они бы упаковали всё прямо на месте.

Но за день до их прибытия к ним без приглашения явился человек из провинциальной администрации. Хьёчу заподозрил неладное, но всё равно показал ему теплицы. После краткой инспекции, этот человек велел своим слугам срубить все деревья, на которые были приращены саженцы.

— Что вы делаете?! — воскликнул Хьёчу.

— Перемещаем эти саженцы, само собой. Они собственность провинции. А эта теплица попадает под юрисдикцию нашего департамента. Поэтому мы и переносим их из окружной теплицы напрямик к нам.

— Прекратите! — кричал Хоуко. — Вы же убьёте их!

— Их пересадят на другие деревья, — сообщил человек, оказавшийся секретарём главного агронома. — Сады при нашем департаменте уже подготовлены. После этого провинциальная администрация представит их королевскому дворцу.

Рабочие из команды Хоуко попытались было протестовать, но Хьёчу утихомирил их.

— Вы действительно сделаете всё это? — лишь поинтересовался он.

Если образцы, так или иначе, попадут королю, было неважно, кому достанутся все лавры.

— Ты не можешь отдавать нам приказы. Не думай, что ты здесь главный, просто потому что являешься королевским госслужащим. Главный агроном будет решать, что делать с образцами.

— Ну конечно, — саркастически проворчал Кьёкэй. — Все эти умирающие деревья чертовски дорого стоят. Уж что вам точно не нужно, так это лекарство. Или вы просто дождётесь, пока горы будут уничтожены, и после этого взвинтите цены.

От этого секретарь на мгновение потерял дар речи.

— Вы, неумехи, вообще хоть представляете себе, как пересаживать эти ростки?

После этого выпада секретарь окинул взглядом собравшихся вокруг работников теплицы.

— Ладно, хорошо, один из вас, умельцев, поедет с нами. Подойдёт кто угодно, например, ты, —

он ткнул пальцев в стоявшего ближе всех к нему садовника.

— Я не смогу этого сделать, — садовник покачал головой. И действительно, только Хоуко и Кьёкэй, для которых добыча лекарства стала смыслом жизни, знали все тонкости этого процесса.

— Тогда поедет лесничий.

— Лесничий же относится к министерству Лета, — подал голос один из его подчинённых.

Это означало, что министерство Земли не могло относиться к Хоуко как к одному из своих подчинённых.

— Кого это волнует? — усмехнулся секретарь. — Как насчёт такого? Нарушение установленного порядка произошло в сфере юрисдикции министерства Земли, поэтому нам нужно было забрать его для выяснения обстоятельств.

Грубо говоря, он обвинял Хоуко в нарушении неких правил, установленных министерством Земли. В таких случаях подозреваемых следовало помещать под стражу до окончания расследования. Полностью осознав глубину и намерения этой аферы, Хьёчу почувствовал, что у него живот сводит от злости.

Хоуко скинул с себя руки слуги, попытавшегося схватить его. Впрочем, убежать он не собирался. Всё его внимание было сфокусировано на деревьях в теплице. Весь его разум занимало стремление спасти его бесценные саженцы. Ещё один из подручных секретаря вцепился в Хоуко, напрыгнув на него и повалив на землю, когда тот попытался вырваться.

Хоуко резко ударил его чем-то в район живота, и прислужник сложился пополам. После этого Хоуко, оттолкнув его, вскочил и отбежал в сторону. Бросившись на подмогу Хоуко, Кьёкэй замер возле валявшегося на земле слуги. Его взгляд резко похолодел, когда он заметил, что его живот был залит чем-то ярко красным. Наклонившись, Кьёкэй поднял и взвесил в руке топорик.

— Вот значит, что представляет из себя госслужба, — выплюнул он. Поймав его взгляд, Хьёчу понял, что тот кипит от гнева. — Вот и доверяй после этого правительственным чиновникам.

«Я не такой как они», — хотел было сказать Хьёчу. Но сейчас было не время и не место для оправданий. В конце концов, это он навлек на них эту беду. Это он безрассудно рискнул в надежде исполнить невыполнимое желание.

— Прекрати! — кричал Хоуко, пытаясь вырвать топор из рук ещё одного подручного секретаря. Смерив Хьёчу снисходительным взглядом, Кьёкэй резко крутанулся на каблуках и взмахнул топориком. Лезвие вонзилось в руку подручного. Выронив топор, он заорал и осел на землю.

Остальные прихвостни секретаря замерли на месте, увидев это. Один за другим, осмысливая происходящее, они бросали свои топоры и убегали прочь. Сам секретарь не был исключением.

— Приведите стражу и арестуйте их! — кричал он, убегая. Каким-то чудом он сумел добраться до двери первым, растолкав своих озадаченно переглядывавшихся подчинённых. Один из них нерешительно направился в сторону Кьёкэя.

Увидев это, Кьёкэй демонстративно поднял топорик. Испуганно вскрикнув, слуга отпрыгнул и бросился следом за своими коллегами. Вскоре в теплице остались лишь Хьёчу, Кьёкэй и подчинённые Хоуко, замершие на месте, словно статуи. И сам Хоуко, не сводивший взгляда с деревьев.

Несмотря на то, что ни одно из них не успели срубить полностью, четыре было уже не спасти. Глубокие борозды в стволах означали лишь то, что вскоре они засохнут и погибнут. На ещё одном дереве саженцы росли на нижних ветвях. Однако две из них оказались отломаны в ходе заварушки.

— Быстрее, нужно пересадить их на другое дерево! — воскликнул Хоуко, подхватывая саженцы и приводя в чувство рабочих. — Также осмотрите повреждённые деревья. Нужно проверить, можем ли мы пересадить пострадавшие саженцы, — сказав это, он повернулся к Кьёкэю. — Иди, не задерживайся. Тебе не стоит оставаться здесь и попадаться страже.

— Да уж, ничего хорошего из этого не выйдет, — мрачно усмехнулся Кьёкэй. — Эти ублюдки уже скоро будут здесь.

Проигнорировав его, Хоуко бросился к сумкам, стоящим в углу теплицы. Он вытащил оттуда кошелёк с деньгами.

— Ты тоже! — бросил он в сторону Хьёчу.

— Хоуко, я, — начал было Хьёчу, но осёкся на полуслове и кивнул. — Да, я понимаю.

— Они использовали тебя. Но, что более важно, нам нужно вытащить отсюда Кьёкэя. Он же коушу, без связи с этим или каким-либо ещё королевством. Не нужно впутывать его в наши проблемы.

В переписях населения охотники ябоку, вроде Кьёкэя, классифицировались как коушу, жители жёлтого моря. Хьёчу кивнул ещё раз и отстегнул с пояса собственный кошелёк. Забрав его, Хоуко вручил оба мешочка в руки Кьёкэя.

— Прости, это всё, что у нас есть. Беги, уезжай из королевства. Они последуют за тобой через границу.

Кьёкэй смерил Хоуко долгим взглядом, после чего холодно зыркнул в сторону Хьёчу. Возможно, он просто презирал Хьёчу. Возможно, он считал, что он из той же породы, что и этот секретарь. Так или иначе, доверие или презрение уже не играло большой роли. Всё, что Хьёчу мог сделать, это избегать его взгляда.

— Как ты собираешься разгрести всё это? — поинтересовался Кьёкэй.

— Как-нибудь разберёмся, — усмехнулся Хоуко. — Если потребуется, я сделаю так, чтобы наши показания сходились и возьму всю вину на себя. Власти успокоятся, и хорошо. В любом случае, полагаю, после случившегося моей голове суждено было оказаться на плахе.

Кьёкэй не стал спорить с ним. Он лишь бросил взгляд на ужасно порубленные буковые деревья и заметил:

— Саженцы...

— С ними всё будет в порядке, а теперь уходи отсюда.

Не став ждать ещё одного напоминания, Кьёкэй схватил свою сумку и поспешил на выход из теплицы. Добежав до конца буковой рощи, он проскользнул под верёвочным забором и вскоре растворился в лесу. Хьёчу проводил его взглядом, всё ещё пребывая в полнейшем ошеломлении.

Из ступора его вывел оклик Хоуко.

— Помоги мне спасти саженцы!

На удивление быстро придя в себя, он вместе с остальными принялся собирать ростки. В итоге оказалось, что из пятнадцати оставшихся саженцев восемь уже успело погибнуть. Выжило лишь семь. Что означало, что им нельзя было потерять ни один, если они хотят восполнить свои запасы. Вскоре должна была прибыть стража.

Тем временем один из их садовников уже успел добраться до окружной администрации и позвать другой отряд стражи, сообщив, что чужак из столицы провинции влез в подотчётные дела министерства Лета и испортил всю их работу. В конечном счёте благодаря этому им удалось спутать карты секретарю агронома. Также ранг королевского госслужащего Хьёчу наконец-то оказался полезен.

Чем вообще думал работник министерства Земли, пытаясь арестовать служащих министерства Лета, которые по доброй воле и собственному желанию работали под началом королевского госслужащего? Если уж кто-то здесь и действовал неразумно, это был секретарь.

Секретарь, тем не менее, отказался признавать свою вину, и всё дошло до масштабной ссоры.

В конце концов, Хоуко не арестовали, но теперь у них оставался лишь один способ достичь своей цели. И, хотя они понятия не имели, успеют ли в срок, Хьёчу намеревался лично доставить образец голубой орхидеи во дворец. Он понятия не имел, что произойдёт, когда он всё-таки доберётся до дворца. Даже если ему удастся добраться дотуда в целости, сможет ли он вручить образец королю? При нём всё ещё было удостоверение королевского служащего по охране природы. Что, конечно же, позволило бы ему войти во дворец, но...Пропасть между Хьёчу и королём всё ещё была больше, чем расстояние между небом и землёй.

Все письменные запросы терялись где-то по пути. И новый король наверняка имел кучу более важных дел, чем проблема Хьёчу. Ходили слухи, что новый король вообще не особо горел желанием править. Но всё равно, у Хьёчу не было иного выбора. Дабы закончить дело до конца года, он не мог тратить впустую ни минуты. Одну из ветвей, на которых росли выжившие саженцы, срезали с дерева и обрезали до небольшого брёвнышка.

После этого Хьёчу аккуратно уложил брёвнышко в коробку, повесил её за спину и оседлал своего коня. Прошло уже две недели с тех пор, как он покинул теплицы в Сецуко. Последний месяц года неумолимо приближался. Так или иначе, он обязан был успеть вовремя.

Глядя в темнеющее небо, затянутое свинцовыми тучами, с которых на землю осыпалось бесчисленное множество жалящих его лицо снежинок, Хьёчу молился.

«Пожалуйста, пусть голубая орхидея проживёт достаточно долго».

<http://tl.rulate.ru/book/4471/801395>